

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. БЕЛОВА**
(На материале пьесы «Александр Невский»)

Интерес к этико-эстетическому наследию Древней Руси Д.С. Лихачев называет явлением симптоматическим; по мысли ученого, он вызван «стремлением глубже понять, осмыслить национальные традиции. И это понятно, так как современная культура отталкивается от всяческого обезличивания, связанного с развитием стандартов и шаблонов: от безликого псевдоинтернационального стиля, от постепенно выветривающихся национальных основ жизни» [Лихачев, 1983: 114–115].

На наш взгляд, ориентация В. Белова на древнерусскую традицию и творческое осмысление этой традиции связаны с его стремлением преодолеть внутренний раскол национальной жизни и культуры, поэтому и обращение к образу «Святой Руси» продиктовано важнейшей творческой установкой писателя – проникнуть в мироощущение старинного русского человека и раскрыть в национальном русском характере то, что неподвластно уничтожению и разрушению, то есть его духовно-нравственную основу. «Святая Русь» представлена прежде всего в образе русского святого – Александра Невского (пьеса В.Белова «Александр Невский»). Таким образом, в центре внимания писателя оказываются «люди-символы» и «события-символы».

«Сколько бы нация за свою историю ни породила героев, сколько бы ни совершила подвигов, – это всегда считанные люди и считанные события, – отмечает А.М. Панченко. – Они наперечет именно потому, что имеют символическое значение: ведь символов не может быть много, как не может быть много гениев и нравственных заповедей. Иначе они обесценятся» [Панченко: 260]. Своеобразие русской святости подобного рода запечатлевалось в истории русской культуры как относительно стабильная, исторически «неотчуждаемая» ее топка, в которой «нераздельно слиты аспекты поэтический и аспект нравственный» [Панченко: 260]. Осмысляя наиболее характерные принципы национальной топки русской культуры, сложившиеся в период Древней Руси, А.М. Панченко пишет: «Нация запомнила и сделала символами победы на грани поражения, победы с громадными потерями» (Куликовская битва, Полтавская баталия, Бородинское сражение и т. п.); «Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы <...> Имен-

но поэтому в качестве символов избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы» [Панченко: 261].

Думается, что в художественном мышлении В. Белова идея обращения к «образам-символам» древнерусской культуры имела принципиальный и многосторонний творческий смысл: она была для него непременным условием исторического подхода к современности, в которой он стремился обнаружить ее глубинные субстанциальные начала. Древнерусская традиция чрезвычайно значима для писателя как идеологически, так и эстетически – прежде всего особыми принципами и возможностями преобразующего воздействия на человека. В произведениях В. Белова своеобразно отозвался художественный опыт агиографической литературы и прежде всего представление о народном христианском идеале, утверждаемом агиографией.

При воссоздании образа Александра Невского писатель ориентируется на хорошо известные жития русских святых, но средневековый канон у него претерпевает значительную трансформацию; для В. Белова особую значимость имеет идея духовного преображения современного человека, поэтому, имея в виду запросы читателя наших дней, он стремится раскрыть не столько исторические заслуги своего героя, сколько его духовно-нравственный потенциал, имеющий универсальное значение. Древнерусское «Житие Александра Невского» послужило основой одноименной пьесы В. Белова, но образ великого князя-подвижника существенно трансформируется, причем эти смысловые сдвиги имеют принципиальный характер.

В древнерусском «Житии Александра Невского» средневековый автор следует литературному этикету эпохи, выражая «свои представления о должном и приличествующем, не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое» [Лихачев, 1979: 91]. Воссоздавая образ легендарного Александра Невского, средневековый автор выражает свое представление о том, что считалось в те времена достойным чести и славы, а достойны ее в глазах людей Древней Руси по преимуществу ратники, воины, поэтому центральной частью жития является повествование о Невской битве, где последовательно представлен идеализированный образ Александра Невского – воина, ратника, начиная от его условного, основанного на сравнениях портрета («И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую») и кончая рассказом о его мужестве в бою, когда он «самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемь» [Житие Александра Невского: 427]. С этой особенностью центрального героя связано и частое цити-

рование Библии, и использование ретроспективной исторической аналогии: словами пророка Исайи подтверждается божественное происхождение княжеской власти, Александр сравнивается с рядом библейских героев, в его молитве и речи использован текст Псалтири, чудо на реке Ижоре сравнивается с чудом у Иерусалима во время прихода к нему ассирийского царя и т. д.

Необходимо отметить, что в древнерусском житии прямо подчеркнута не только героическое, но и учительное значение русской истории: князь Александр Невский под конец жизни оставил «земное царство», став монахом («ибо имел безмерное желание принять ангельский образ»), и таким образом внес сильное и высокое этическое начало в свою политическую деятельность. Именно этот учительный аспект древнерусского жития приобретает особую значимость для В. Белова. «Житийный» портрет Александра Невского послужил для автора поводом для размышления о национальном русском характере: ориентируясь на учительный аспект древнерусского жития, В. Белов создал не пьесу о жизни святого, а книгу о русском человеке, воплотившем в себе черты всего народа.

Наиболее важной национальной особенностью своего героя писатель считает сочетание в его личности духовного и созидательного начал. В произведении В. Белова Александр Невский представлен прежде всего как мудрый и терпеливый собиратель русских земель. Хотя писатель подчеркивает свою зависимость от древнерусского текста, охотно использует его сюжеты, иногда цитирует особо яркие слова и фразы, в пьесе совершенно отчетливо проступает внутренняя соотнесенность древнерусского жития с реалиями и представлениями XX века. В своем герое В. Белов подчеркивает прежде всего милосердие и сострадание – те качества, которые представляются писателю насущными и необходимыми и в которых видится ему самая твердая опора в бурях истории, причем эти качества имеют не расхожий бытовой, психологический смысл, но религиозно-философское значение.

В облике великого русского князя В. Белов стремится запечатлеть отблеск христианского идеала; писатель актуализирует то представление об Александре Невском, которое автор древнерусского жития выразил в финале («О таких сказал Исайя пророк: “Князь хороший в странах – тих, приветлив, кроток, смиренен – и тем подобен Богу. Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочалцев своих и радушен к приходящим из чужих стран”») [Житие Александра Невского: 427]. Идея духовного подвижничества становится центральной в пьесе В. Белова; показывая ясный и жертвенный облик Невского-подвижника, писатель стремится раскрыть духовно-нравственное начало древней истории и старинного русского человека и тем самым заронить в душу современного читателя искру ду-

ховного света. В. Белов сосредоточен не на воинских победах русского князя, а на его духовном подвиге, понимаемом в духе святоотеческой традиции. В герое В. Белова милосердие и сострадательная любовь к ближнему сочетаются с твердостью и строгостью в отстаивании истины, со спокойной решимостью на всякую скорбь и с жертвенной любовью к своей Родине, причем писателю важно показать, как эти качества раскрываются в поступке.

В пьесе В. Белова свой первый подвиг Александр Невский совершает еще накануне исторической битвы, прославившей его имя далеко за пределами Русской земли; движимый чувством сострадания к пленному немецкому рыцарю, он не только отпускает его на волю, но и возвращает ему оружие. Этот ключевой эпизод пьесы В. Белова драматичен, так как воинственный немец вместо слов благодарности неожиданно обнажает меч и убивает русского воина Докучая. На справедливый упрек своего соратника Сбыслава («Эх, князь, стравили мы ловчего-то, а надо было зверя травить... Кого пожалел?») князь Александр отвечает: «Видно, один Бог рассудит мой спор с этим надменным народом!» В диалоге Сбыслава и князя Александра Невского сталкиваются две правды: одна – правда мужественного русского воина, защищающего свою землю от немецкого нашествия и отстаивающего право на возмездие врагу, и другая, связанная с христианским идеалом, воплощенным в Александре Невском. Герой В. Белова отказывается от мести, он умеет сострадать и врагу, причем врагу не поверженному, а воинственному; отметим, что действие происходит накануне битвы, исход которой неизвестен, но Александр Невский в данном случае ведет себя с удивительной искренностью и с большим достоинством – это достоинство человека, сознающего свою огромную силу и уверенного в том, что «не в силе Бог, но в правде».

Для того, чтобы оттенить христианские добродетели своего героя, В. Белов вводит в пьесу образы его антагонистов, причем это не только воинственные немецкие рыцари и хан Батый, но и родные братья Александра Невского; столь разных антагонистов объединяет непомерная гордыня и жажда личной власти, тогда как Александр Невский милосердием, терпением и состраданием стремится освободить родную землю не только от внешнего врага, но и от «внутренних немощей» – раздоров и усобиц. Конфликт Александра Невского с родными братьями в пьесе В. Белова наполнен внутренним драматизмом: князь Андрей и Ярослав не внимают мудрым словам Александра Невского о несвоевременности решающей битвы с ханом Батыем; ослепленные жадой личной власти, они обрекают на гибель свои дружины. В драматическом конфликте с братьями Александр Невский трагически одинок, но внутренне не сломлен: князь Андрей и Ярослав охвачены жадой правого суда над врагом Отчизны, тогда как в герое В. Белова побеждает дух терпения и любви, ко-

торый спасал Россию в самые тяжелые времена смуты и войн. Герой В. Белова чувствует себя стоящим над мелочностью и суетой политики, он заботится о правде и о своей стране.

В. Белов стремится показать, что любой поступок Александра Невского связан с сердечным усилием, с трудным напряжением ума и сердца, долженствующим внутренне преобразить не только самого героя, но и окружающих людей. Внутреннее подвижничество героя В. Белова раскрывается в искреннем молитвенном слове, которое он произносит, выслушав гневные оскорбительные упреки братьев в предательстве памяти отца и Родины, и которое пронизывают не гнев и обида, вполне оправданные с человеческой точки зрения, а просьба о милости и прощении: «Господи! Помоги мне! <...> Отвори мне духовные очи, вразуми снова и прости окаянство. Дай силы простить братьев моих! Останови время, чтобы я укротил обиду и гнев! Верни мне дух любви, научи делу прощения! Еще не совсем погиб, еще мерцает огонь твоей правды под пепелом жалких моих страстей. Дай опять разгореться ему... Выстоять, выждать время. Хоть бы немного пожить без браней... Не боюсь умереть, боюсь бесчестия Руси!.. Родные братья против меня! Стоит Русь уже у края бездны... И я один стою перед Богом» [Белов: 454]. «Усилием сердца» можно назвать и поступок Александра Невского в финале пьесы, когда, приехав к хану Батыю просить милости для своих братьев, потерпевших военное поражение, Александр Невский освобождает русских пленных и, получив вместо благодарного слова плевки в лицо и обвинения в предательстве, молчаливо претерпевает незаслуженное оскорбление. Следует подчеркнуть, что образ Александра Невского для писателя – не дань отжившему времени, не показатель этнографического интереса к прошлому, а единственно возможный духовно-нравственный ориентир не только для настоящего, но и для будущего.

Таким образом, обращаясь к национальным «событиям-символам» и творчески трансформируя древнерусскую традицию, В. Белов ориентируется на персонаж, принадлежащий к «житийно-идиллическому сверхтипу» [Хализев: 202]. Как отмечает ученый, персонажи подобного рода не причастны какой-либо борьбе за успех; они пребывают в реальности, свободной от поляризации удач и неудач, побед и поражений, а в пору испытаний способны проявить стойкость, уйдя от искусов и тупиков отчаяния. «Здесь наличествуют твердые установки сознания и поведения: то, что принято называть верностью нравственным устоям, – пишет В.Е. Хализев. – Подобные персонажи укоренены в близкой реальности с ее радостями и горестями... Они открыты миру окружающих, способны любить и быть доброжелательными к каждому другому, готовы к роли “деятелей связи и общения”» [Хализев: 202].

Ориентация на «житийно-идиллический сверттип» обнаруживается е В.Белова не только в произведениях, посвященных историческому прошлому России; к данному типу принадлежит и Иван Африканович в «Привычном деле», и Олеша Смолин в «Плотничьих рассказах», и Павел Пачин и Никита Рогов в «Канунах». С героем пьесы «Александр Невский» данных персонажей объединяет прежде всего то нравственное устройство личности, в котором отразился духовный опыт русского народа; в их жизни присутствует то духовно-созидательное начало, которое писатель называет «ладом». Это искусство жить и любить: любить Родную землю, людей, сострадать и быть милосердным; именно «лад» в его метафизическом смысле противостоит миру зла и душевной агрессии. На наш взгляд, в любимых своих героях В. Белов стремится отразить специфику христианской духовности Древней Руси, которая, сохранив аскетическую традицию Византии, усилила евангельский элемент, ставивший во главу угла действенную любовь, служение людям, милосердие [Лихачев, 1990: 21].

Литература

- Белов В.* Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. М., 1991.
- Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М. 1981.
- Лихачев Д.С.* Древнерусская культура и современность // Лихачев Д.С. Земля родная. М. 1983.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М. 1979.
- Лихачев Д.С.* Возвращение к истокам // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М. 1990.
- Панченко А.М.* О топике культуры // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб. 2000.
- Хализев В.Е.* Персонаж и его ценностная ориентация // Хализев В.Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. – М. 2002.

Е.В. Титова
(Вологда)

«ДРУГОСТЬ» В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

Слово, вынесенное в заглавие, взято в кавычки лишь потому, что на сегодняшний день оно еще не обрело статус общеупотребительного литературоведческого термина, а его внутренняя форма воспринимается как окказиональная. Однако именно данное слово, с нашей точки зрения, способно закрепить представление о лирической полифонии и разнообразии художественных достижений Ольги Фокиной, о смысловой емкости и